

Сандра
БУШАР

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ошибка
ПРОФЕССОРА

Сандра Бушар

Ошибка профессора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69987361

SelfPub; 2023

Аннотация

Он тиранил меня с первого учебного дня... Вот уже три курса длится персональный ад! Профессор Шлефов не подарок для всех, но именно меня мужчина почему-то выбрал главной жертвой. Все дошло до отчисления... Практически! Один очень конкретный надоедливый препод "удачно" ошибся номером и отправил дик-пик не тому человеку. Теперь бразды правления в моих руках и месть будет жестокой!

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	37
ГЛАВА 4	54
ГЛАВА 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сандра Бушар

Ошибка профессора

ГЛАВА 1

Тянулся поздний сентябрьский вечер, мы с одногруппниками в кое-то веке выбрались куда-то вместе. Клуб был простой, располагался территориально между университетом и общежитием. Сидя за столиком, я потягивала тот единственный коктейль, на который могла выделить долю из крошечной стипендии, и весело двигала плечами в ритм разрывающей танцпол музыки.

– Я бы на твоём месте сильно не расслаблялась, Диана! – ехидно процедила наша местная заучка Настя Петрова. Та, кто вечно ставит себя выше других. Осуждала нас за поход в клуб, но зачем-то увязалась следом. Видимо, чтобы не давать никому радоваться... Ну, или быть ближе к челяди... Кто ее поймет? – Завтра первая пара у Шлефова...

Улыбка тут же опала с моих губ. Шлефов... Звучало, как проклятье! Он не любил своих студентов. Да и людей в целом тоже, если быть откровенной. От него шарахались все: от простого первокурсника до самого ректора. Один взгляд голубых глаз – и сердце внутри переставало биться. Одно слово, и ты повержен. Перед зеркалом он что ли этот эффект

«дьявола» тренировал?!

Я была самой «везучей». Именно меня он выделил среди других. Увы, в наилучшем смысле из всех возможных. За хороший ответ – двойка. За замечательный, безукоризненный – тройка. Все это знали. Кто сочувствовал, а кто и самореализовывался за мой счет. Типа Настеньки Петровой.

– Не переживай, – натянув ехидную улыбку, сквозь зубы выплюнула, – я все выучила так, что от зубов отскакивает!

В доказательство щелкнула себя по зубу ноготками. Сидящие бок-о-бок подружки расхохотались. Настя поперхнулась. Видимо, кислотой. Но такое «г», как она, поражение принимать в принципе не умеют. С коварным взглядом, положив руку на сердце, она притворно сочувственно протянула:

– Конечно, солнце, конечно... Прямо как все разы до этого, правда? Мне нельзя о таком болтать, но я о-о-очень о тебе переживаю... Слышала, как папочка со Шлефовым обсуждали твое скорое отчисление. – она ехидно обернулась по сторонам, по итогу сконцентрировав взгляд на полуголой барменше, танцующей на стойке: – Спроси у нее, сменщица не нужна? Думаю, уже в конце этого семестра ты будешь совершенно свободна!

Про себя я гневно зарычала. Сложно было спорить с наглой, самоуверенной зубрилой, да еще и дочкой первого лица твоего университета – ректора.

– Рот закрыла, – сидящая справа Рита гневно ударила сво-

им крохотным кулачком о стол, – быстро! Пока я тебе редкие волосенки не повыдергивала!

– Я-то замолчу, – Настя строила из себя показательно смело, а в глазах плясал страх. Рита могла ввести ужас на кого угодно. Ее пронзительные черные глаза, словно потусторонний мрак, и у меня порой вызывали мурашки, – но правда всем и без меня известна!

И все же Насте удалось меня задеть. Бросив коктейль, я вскочила с места и торопливо вышла с общего круглого стола.

– Диан, вернись! – сочувственно протянула мне вслед нежная блондинка Саша, сверкая своими голубыми невинными глазками. – Не слушай эту дуру. Подумаешь! Змеюки жалят, потому что по-другому не умеют.

Хмыкнув и закатив глаза, Настя промычала себе под нос что-то вроде: «Кто еще тут дура и змеюка?! Где вы, а где я?».

– Ничего я не слушаю, просто хочу освежиться, – с притворным спокойствием заглянув в лицо Насти, я ехидно усмехнулась. – Не переживайте, скоро вернусь! Так просто от меня не отделаешься.

И лишь закрывшись в кабинке туалета затряслась от беззвучных рыданий. Моя учеба в вузе уже давно висела на волоске по вине Шлефова! Что там учеба? Вся гребанная жизнь! Порой мне казалось, что я знаю его высшую математику «от» и «до», но он всегда находил, к чему придраться. В-с-е-г-д-а! А любая, даже самая незначительная причина

использовалась им против меня.

– Василькова, – стоило мне переступить порог огромный аудитории, как Шлефов тут же обратил всеобщее внимание аудитории на мою скромную персону. – Я смотрю, ты с числами совершенно не в ладах. Очень прискорбно.

В аудитории привычно посмеивались, уже прекрасно понимая, что сейчас будет шоу. Мое очередное унижение.

Сцепив зубы, я застыла на месте и вынуждено поддержала его жестокую, разрушительную игру:

– Что вы имеете в виду, Вадим Геннадьевич?

– Две минуты назад был звонок. Все сидят в аудитории, одна ты где-то гуляешь... – он презрительно осмотрел мою черную юбку в складку и заправленную в нее шифоновую рубашку, прежде чем с отвращением скривиться: – Понимаю... Ты все утро училась ноги брить без порезов, чтобы в коротких «повязках» вместо приличной формы щеголять по вузу. Когда тут о часах думать, верно? Надо ведь соблазнять местных мажоров! Дальновидно... Карьера тебе явно не светит.

Кто-то посмеивался, кто-то злился, Настя по обыкновению самодовольно усмеялась. Я же глотала злобу и раздражение. Во-первых, я не была последней. Прямо во время саркастичного монолога Шлефова в кабинет вошло десять (!) студентов, на них он внимания не обратил. Они не являлись его «красной тряпкой»! Во-вторых, как он вообще через огромную аудиторию смог разглядеть отсутствие на мне

колготок?.. А, в-третьих, опоздала я не просто так, автобус задержался. А потом женщина с железной лопатой упала на меня и разорвала колготки. Благо, ноги чудом стались на месте.

«Не спорь! – умоляла терпеливая часть меня. – Хуже будет, ты же знаешь!».

И я копила обиду. Но только на мгновение расслаблялась, снова получала под дых.

– Василькова, – однажды окликнул тот меня посреди пары. Я встала, приготовилась к серьезному вопросу. Но в вопросе серьезным оказалось только лицо Шлефова: – Как избавиться от корней сорняков?

Я замерла в недоумении. Глаза забегали по аудитории, между бровей залегла морщина недоумения, голос звучал потерянно:

– Что, простите? Понятия не имею...

– Надо возвести огород в квадрат! – Шлефов закатил глаза, мол ответ – элементарный, первый класс, а я – полная идиотка. Склонился над журналом и на полном серьезе объявил: – Два. В общем, как обычно... Математика явно не ваше.

– Но, – голос задрожал от бессилия, – это вообще не имеет отношения к высшей математике!

Преподаватель бросил на меня злобный, пронзающий до костей взгляд и отчеканил по слогам рычащим надменным тоном:

– А в вашем узком мировоззрении «высшая математика» – это только циферки-кружочки, как в подготовительной группе? Тут надо еще логику иметь, Василькова. Знаю, для вас это что-то на иностранном...

И снова я вынуждена была молчать. Ректор – его друг, а я – никто. Просто букашка под ногами, которую очень просто раздавить.

Как-то Шлефов весь урок вел важный годовой опрос по пройденным темам, в котором задействовал всех, кроме меня. Все, даже самые несообразительные студенты получили оценку. Важную для итогового балла! Я одна осталась нагло проигнорированной!

– Пара окончена, – холодно произнес мужчина, ныряя носом в записи. – Свободны!

Студенты сорвались с места, и пулей аудитория опустела. Я же, не желая терять свой шанс, подошла к мужчине и поинтересовалась:

– Скажите, почему вы меня не спросили?

– Не успел. Студентов много, – не поднимая носа, холодно отмахнулся он.

Я хмыкнула. Это было враньем. Многих он по три раза спросил, а меня не успел «чисто случайно». Ну, конечно!

– Это не честно, – попыталась я отстоять свои права, – мне тоже нужны баллы.

– Да? Ладно... – внезапно обрадовал меня тот. Я едва не подпрыгнула от радости, наивно решив, что впервые мужчи-

на проявил человечность. – Какой курс, Василькова?

То есть, фамилию он помнит, а сколько лет меня тиранит – нет?

– Третий... – растерянно протянула и тут же получила острый взгляд, как пощечину.

– Я про курс доллара, господи... – фыркнул он, с пренебрежением разглядывая меня с ног до головы и негативно покачивая головой. – Как вас вообще сюда приняли? Два!

Так мы и существовали. Он – издевающийся надо мной всеми возможными способами, и я – выживающая всеми возможными способами в его тирании. Чудом мне удавалось выходить на стипендию, все благодаря моему активному участию в творческой жизни университета. Ректор давал барские поблажки за то, что брала на себя все главные обязанности и работала на износ. Буквально девочка принеси-подай. Но, поговаривали, что Шлефов поставил вопрос ректору ребром: либо я, либо он. Не стоит уточнять, за кого именно держится ректор: за пустое место или своего приемника.

– Мне конец! Конец! – шептала себе поднос в панике, измеряя шагами комнату. – Финита ля комедия!

Жизнь была кончена. Меня отчислят, и я вернусь в другой город, домой к «любимым» родителям. Там меня ждет «любящая» семья. Отец, что всю жизнь бил меня до смерти, и мать, что делала вид, словно ничего не замечает.

«Мне нужно вам кое-что рассказать...», – напечатала я и тут же стерла. Нет, не так...

«У меня проблемы с преподавателем...», – снова стерла. Какое им дело до моих проблем? Они мне звонят только с претензиями и никогда не спрашивают о делах.

«Есть кое-что, что лучше узнать заранее от меня, чтобы потом не было сюрпризов. Скорее всего в этом семестре меня отчислят. Вы примите меня обратно домой?», – напечатала я, и палец застыл на кнопке «отправить». Предательские слезы хлынули из глаз несдержанным потоком. Жизнь была под дых гораздо больше моего импульсивного отца в порыве гнева. Я долго держалась, вскарабкивалась вверх, но... Сил больше не было. Я почти сдалась.

– Вы победили, господин Шлефов! – с ненавистью отчеканила и нажала «отправить». Почти нажала... За мгновение до этого на экране отразилось уведомление о новом СМС. Кликнув на него неосознанно, по инерции, я не сразу осознала, на что вообще смотрю. Сперва решила, что это спам, но потом взгляделась и потеряла дар речи. – Что за... Оу! Что?!.. Нет... Нет?

Это было фото! Еще какое... На черных простынях лежал голый мужчина. Его тело было стальным, рельефным и безумно сексуальным. На лице, полностью поместившись в кадр, застыло выражение экстаза. Но не это оказалось «центром» сюжета. Этот самый «герой картины» держал в руке каменный член. Свой член. Абсолютно голый, эрегированный! Стоит признать, достоинство внушало интерес: огромный агрегат с пульсирующими венами и красной багровой

шляпкой от возбуждения.

Трижды удостоверившись в номере отправителя, я расплылась в ехидной ухмылке. Такого счастья на моей улице просто не могло произойти! Буквально перевернулась фура с возможностями!

– Шлефов! Это же личико Шлефова!

Я не знала, с кем именно он меня перепутал и кому собирался отправить столь интимное фото. Но факт оставался фактом: теперь условия нашей с ним игры кардинально менялись, и правила впредь устанавливала я.

Удалив сообщение для родителей, я вернулась в зал и отрывалась с подругами, как в последний раз!

Впервые в жизни я не могла дождаться пары ненавистного ранее преподавателя! Кто бы мог подумать?..

И все же, ради соблюдения плана мести пришлось прийти на тридцать минут позже. Злить Шлефова, так наверняка. Чтобы до искр из глаз!

– Ровно тридцать минут прошло! – нервно топая ногой от нетерпения, я аж тряслась в предвкушении возмездия, вынашиваемого мной три учебных года! Три! – Пора.

Вдох-выход... Тело покрылось мурашками, волосы встали дыбом. От страха или адреналина? Кто его знает! Отступить поздно и бессмысленно...

Я толкнула дверь нагло, так, чтобы та с размахом врезалась в стену и оглушила ударом всю аудиторию. Все затихли. Натянув равнодушную улыбку, я впорхнула внутрь и спокой-

но прикрыв за собой, отправилась напрямик в третий ряд к Саше и Рите.

– Опа-па. Рак на горе что ли свистнул? – в голосе Шлефова чувствовались нотки садистического предвкушения. Впервые я подбросила ему весомую причину для претензий. – Василькова пожаловала! А чего так рано? Пара ведь еще не кончилась...

Я никак не отреагировала. Мои подруги смотрели на меня с ужасом, а Настя Петрова коварно давила улыбку, готовясь к очередной браваде от мужчины.

– А внешний вид... Дай угадаю, ты с работы? С панели? – взгляд мужчины метнулся по моему обтягивающему, как вторая кожа, красному платью. По туфлям на тонких высоких шпильках. По броскому макияжу. Который, к слову, я делала впервые в жизни. Роковая красотка – не мой любимый стиль. Но сегодня я решила быть красной тряпкой для быка.

– С клуба, – теряя всякий страх, я по-дружески подмигнула мужчине. В аудитории зазвенела тишина. Настолько глухая, что я слышала тиканье часов на стене за классной доской. – Было круто. Попробуйте как-нибудь. Ну, если пустят по возрасту...

Мое хамское поведение вывело из равновесия всех, включая Шлефова. Он, непривычно для себя, потерял дар речи. До побеления костяшек сжимая пальцами планшет, мужчина позволил мне сесть на место и только потом рвано отче-

канил от зубов:

– Сколько раз вы еще собираетесь... так... наряжаться?

Под удивленные взгляды подруг, я откинулась на спинку стула и пожала плечами:

– Только по дням недели, которые начинаются на букву «С». Среда, суббота, сегодня, сейчас...

Напряженные вздохи раздались с самых разных частей огромной аудитории. Шлефова до смерти боялись все. Мое поведение для них граничило с сумасшествием. Рита начала усиленно щипать меня ноготками под столом, а Саша и вообще подсунула записку: «Что ты творишь? Ему это лишний повод тебя отчислить!».

Я прекрасно знала, на что способен Шлефов, но останавливаться не собиралась. Он злился, его лицо краснело на глазах, пока вообще не стало черным, как у самого Дьявола.

Сжимая челюсти до хруста, он замер напротив меня, только на три ряда ниже, пытаясь испепелить пронзительные голубыми глазами:

– Представьте абстрактную ситуацию, Василькова. Идешь ты по улице и видишь два мешка: один с умом, другой с золотом. Какой возьмешь?

– С золотом, – я сверлила его в ответ. На удивление, ярости за годы террора во мне накопилось достаточно, чтобы она затмила страх перед его властной энергетикой.

– Не удивительно, – прыснул тот, закатывая глаза и усмехаясь. Ему казалось, словно уже победил в споре со студент-

кой. – Я, и любой другой выбрал бы с умом. Делай выводы.

Где-то на затворках разума я понимала, что если я хочу остановиться, то сейчас самое подходящее время. Шлефов еще мог бы меня простить, забыть всю ситуацию и вернуть-ся к ведению пары. Но остановиться я просто не могла. После трех лет унижений и моего вынужденного принятия ситуации, я готова была поставить на кон все, чтобы проучить этого наглого самоуверенного мужчину!

– Уже сделала, – я снова улыбнулась, нагнувшись к мужчине поближе и отчеканила по слогам: – Каждый возьмет то, чего ему не хватает. Логично? Более чем. Делайте выводы Вы, профессор Шлефов.

Было приятно смотреть, как глаза его расширяются, ноздри раздуваются, вены на напряженных руках набухают...

С грохотом откинув планшет на стол, он заставил студентов вжаться в парты. Всех, кроме меня. С тревогой заглянув мне в глаза, Рита обеспокоенно прошептала одними губами:

– Что на тебя нашло? Вообще страх потеряла?!

Саша резко придвинулась вплотную, странно понюхала меня и шепнула в ответ Рите:

– Вроде как трезвая, чувствую только мяту и кофе... А несет такое, будто пьяная...

Мне было нечего рассказать девочкам. По крайней мере, пока. Пусть считают, что я сошла с ума. Может, от части это было правдой, но радость и предвкушение веселья настолько вдохновляли меня, что все остальное казалось не важным.

– К доске, Василькова! – прорычал преподаватель так, что окна задрожали от разлетевшегося эха его уничижительного тона. – Проверим, такая ли ты умная на деле!

«Наконец-то, – обрадовалась я, – настал момент «X»!».

Встав, потянувшись, я оттянула платье, размяла руки. Он буравил меня взглядом, желваки на лице нервно играли. Прихватив телефон, я медленно спустилась вниз под всеобщим вниманием.

– Телефон тебе не понадобится. Убирай его и бери мел. Сейчас будешь решать задачку, – с коварной усмешкой Шлефов уже явно знал, как именно выставит меня душой перед всеми. Он, если откинуть мерзкий характер, был умным мужиком и чертовски талантливый математиком. Даже гения завалил бы при желании.

Но я не хотела доставлять ему такого удовольствия. Ни в этот раз! Подойдя вплотную, разблокировала телефон и невинно проговорила:

– Я тут вчера вечером столкнулась с одной сложной задачей. Вы не оцените? Может, это повлияет на ваше мнение обо мне и моих умственных способностях?

– Сомневаюсь, – фыркнул он, но в экран все равно смотрел. Ему было интересно, что такого я там решила ему показать. – И мне плевать, какие задачки из учебников для первоклашек ты осилила, чтобы...

Я открыла фото. Сделала это. Наконец-то!

Он не просто обомлел, он подавился, закашлялся, почер-

нел, а после и побелел. С непередаваемой словами радостью я смотрела на то, как недоумение в его глазах сменяется понимаем, ужасом и страхом. Завершающей ноткой стала люта́я безграничная ненависть. Это у нас взаимно!

Немного придя в себя, он потянул руку к телефону. Я ее одернула и покачала головой:

– Бессмысленно. Я сохранила эту задачку везде, где только могла придумать. Больше сотни копий, господин Шлефов.

«Стерва! Я тебя уничтожу! Ты вообще понимаешь, на кого бочку катишь?», – читалось в его испепеляющем взгляде.

«Кто кого еще уничтожит, профессор? У меня задокументировано, что вы прислали студентке дик-пик! Вас за это не просто уволят, но и посадят, лишат всех регалий!», – говорила я ему без слов.

В аудитории все молчали. Недоумение и немой страх читались в глухой тишине. Я поймала растерянный взгляд Насти Петровой. Она казалась разочарованной, что в этот единственный раз меня никто не пропесочил. Все шло не по типичному сценарию.

– Сегодня... – Шлефов отшагнул в сторону, схватился себя за ворот рубашки и со всей силы оттянул. Ему явно не хватало кислорода. – Сегодня закончим пару пораньше... Все свободны!

– Но, – подал голос ботаник с первого ряда. – Еще ведь почти час впереди! И... Это первая пара... Куда нам идти?

– Тебе что-то не ясно? Все! Пошли! Вон! – пулей студенты похватили личные вещи и бросились на утек, словно где-то в корпусе начался пожар, и это был вопрос жизни и смерти. Возникла жуткая давка, ругань. Рита с Сашей прихватили мою сумку, махнув головой в сторону выхода. Мол, мы подождем тебя в коридоре. Я двинулась за ними, пока не представляя, стоит ли говорить девочкам о казусе преподавателя? В спину раздался рваный рык: – Василькова, куда собралась?! Ты останься!

Я повернулась к нему, улыбаясь. Впервые так искреннее и радостно за последние три года. Мой голос был полон самодовольства и стальной решимости поставить засранца на место:

– Я приду к вам САМА, когда САМА посчитаю нужным. Это ясно?

А в ответ тишина. Я расценила это, как беспрекословное «да».

Он буравил меня взглядом, сжимая и разжимая налитые кровью кулаки. Умей Шлефов стрелять глазами, я бы уже представляла из себя решето.

ГЛАВА 2

Никогда не думала, что я настолько злорадный и мстительный человек. Две недели я мурыжила профессора, всячески его игнорируя. Убегала, когда он поджидал меня в коридоре. Не реагировала на прямые приказы по громкой связи вуза явиться в кабинет. И даже во время пары, когда он обращался напрямую, делала вид, что занята чем-то более важным. Все это приносило мне неописуемый, почти оргазмический экстаз!

Мне нравилось наблюдать, как Шлефов из мстительного демона медленно превращается в помешанного и тревожно-мученика. И когда на паре он вдруг посмотрел на меня не с ненавистью, а с потерянностью и беспокойством, я решила: «Пора его навестить! Клиент созрел для моих условий».

Ректор любил Шлефова. Пока все остальные руководители кафедр заседали прямо на кафедре, наш профессор считал это выше своего достоинства. Ему единственному выделили огромный отдельный кабинет в тихом крыле общего здания, окна которого выходили на внутренний сад.

Я постучала раз... Два... Три... Никакого ответа! Уже было решила уйти, но заметила щель в приёме. Там точно кто-то был. Поэтому, наплевав на правила, я толкнула дверь и ступила одной ногой внутрь, просовывая нос в кабинет.

Вадим Геннадьевич сидел в мягком кожаном кресле за

огромным столом из красного дуба. Рукава его белой рубашки оказались закатаны до локтей, пиджак скинут на маленький гостевой диван. Зарывшись лицом в ладони, он тяжело дышал и неразборчиво шептал себе под нос ядовитым тоном:

– Вот же стерва... Тоже мне, шантажистка нашлась... Да я таких, как она, на завтрак ем! Отчислю! Засужу! По миру пущу! Решила, я ее испугался? Не на того напала!

«Думает обо мне, какая прелесть!», – подавив довольную улыбку, я сделала пару громких шагов и звонко постучала по двери. Убийственный и раздраженный взгляд Шлефова переместился на меня.

– Мне сейчас зайти или сразу после Белочки? – невинно поинтересовалась я, широко улыбаясь. Из ушей мужчины разве что пар от злости не пошел. – Вы так увлеченно с ней общаетесь, не хочу прерывать.

Сжимая зубы до хруста суставов, Вадим Геннадьевич кивнул мне подбородком на диван:

– Заходи. Рот прикрой и... Дверь заодно.

Никуда не торопясь, я медленно передвигалась семимильными шагами, и пронзительные глаза, желающие скрутить мне шею, совсем не смущали. Я еще не успела удобно устроиться, как он резко вскочил на ноги и ударил кулаками о свой стол:

– Что ты от меня хочешь, Василькова?!

Глядя на то, как разлетаются в разные стороны учебники

и ручки, я театрально положила руку на сердце:

– Так сразу? Даже кофе не предложите?! А как же хваленое профессорское гостеприимство? Говорят, в приёмной ректора печенье предлагают, а у вас никакого сервиса...

– Могу предложить яд в бокале или печенье с мышьяком, – выдавив из себя подобие улыбки, он снова потребовал: – Говори!

Хмыкнув, я решила, что, наверное, вправду не стоит ходить вокруг да около и сразу выпалила главное требование:

– За нанесенный моральный вред от лицемерия вашего голого тела я хочу освобождения от высшей математики навсегда.

Он молчал, но бровь на замершем в недоумении лице поднималась все выше и выше:

– Зачёт тебе прямо сейчас поставить? В сентябре? Ну, давай.

Я растерялась: «А что, так можно?». Желая поскорее со всем разобраться, я суетливо достала из сумочки зачетку и положила ему на стол. Даже заботливо открыла на нужной страничке, ручку подала с пола и улыбнулась:

– Прошу, Вадим Геннадьевич. Это в наших общих интересах.

Он усмехнулся, присел, почесал затылок, а потом взял и расписался в зачетке. Я с трудом сдерживалась от победного танца. Неужели это конец?! Никакого отчисления? Никакого Шлефова до конца моей жизни? Победа!

– Так пойдет? – громко захлопнув зачетку, он швырнул ее мне в лицо. Я была настолько счастлива, что этот жест меня несколько не взбесил. – Так пойдет, шантажистка?

Не веря своему счастью, я дрожащими руками открыла книжечку и... Обомлела. Напротив высшей математики стояло лишь одно слово размашистым почерком: «Сволочь».

Резкий вдох... С трудом удалось сдержать невозмутимый вид:

– Профессор Шлефов, все прекрасно, но... Вы тут расписались, а оценку не поставили.

Забыв о всех нормах морали, я буквально запулила в него зачеткой в ответ. Тот пригнулся. Книжка ударилась о стекло за спиной и отпружинила в мусорный бак. Пусть так. После художеств ей только там и место. Придется в деканате врать, мол потеряла, и сделайте новую.

– Слушай ты, Василькова, – прищурившись, он деловито сложил руки на груди и пытался говорить максимально уничижительно. Но скорость фраз говорила о том, что мужчина все же нервничает. – Ты вообще забыла, с кем разговариваешь, а? Может, я прямо сейчас записываю наш разговор на диктофон, а завтра напишу на тебя заявление в полицию о шантаже.

– Пусть так, – я блефовала. Новые проблемы с полицией мне были точно не нужны, только вот Шлефову об этом знать не обязательно. – Но тогда всплывет и ваше «селфи». Сядем вместе. Возможно, в одну камеру. Представьте, как весело

будет учить только меня одну ближайшие лет пять?

– Пять лет? – он оскалился, а черные глаза блеснули знакомой ненавистью. – С чего бы?

– Так я немного приукрашу. Скажу, что вы до меня все три года учебы страшно помогали. Склоняли, так сказать, к интиму, – я коварно подмигнула пышущему яростью мужчине. – А то, что вы меня на парах гнобили, так это для отвода глаз... Чтобы в совращениях не заподозрили.

Я заигралась, причем давно. Но скажи я что-то поистине нереальное, Шлефов уже давно бы поставил меня на место, выгнал вон и окончательно добился отчисления. Но он этого не делал. Значит, мои бредни были не так далеки от правды... Карьера мужчины, а главное – повышение, висели на волоске и зависели (как он сам выразился) от какой-то сволочи. То бишь меня.

Видимо устав испепелять меня взглядом, он тяжело вздохнул и зарылся лицом в ладони:

– С тобой так сложно, Василькова...

Похлопав мягкие черные подушки вокруг себя, я пожала плечами:

– Хотела бы быть удобной, родилась диваном.

– Ты и есть диван, – выпалил он, явно пытаясь донести, что я для него не существую. Нечто невзрачное, максимально безразличное. Буквально пустое место.

Почему-то это задело мою самооценку. Глупости какие... Кто он вообще такой? Тридцатилетний заносчивый препод.

Неженатый, по понятным причинам. Кто такого вообще выдержит? Только больная на всю голову... А у меня вот все еще впереди в двадцать с небольшим...

Никак внешне этого не показав, я гордо вскинула подбородок:

– Тогда... Вадим Геннадьевич, у вас большие проблемы: с мебелью разговариваете. Может, все же к врачу?

И снова психи. Зарычав что-то нечленораздельное, он скомкал лист бумаги и швырнул его в сторону, сбивая с книжной полки томик Достоевского. Понимая, что сегодня диалога не получится, я устало вздохнула, встала и быстро направилась к выходу.

– Стой, – вдруг проговорил он мне в спину. На удивление, совершенно спокойно. – Что ты намерена делать... с фото?

Обернувшись, я так же честно ответила:

– Пока не знаю. Но так просто вы не отделаетесь, профессор. После того, что вы заставили меня пережить эти три года, я просто не могу поступить иначе... – не знаю, как так вышло, но память огромным снежным комом пригвоздила меня к полу воспоминаниями о пережитом. В ярких деталях, словно наяву, я видела все издевательства, унижения и насмешки. Непрошенные слезы встали перед глазами комом. Бессмысленно пытаюсь сглотнуть ком в горле, я тихо шепнула: – У вас скрытый талант доводить меня до суицидальных мыслей. Так вот, впредь скрывайте его тщательней.

Шлефов молчал. Даже сквозь непрошенную пелену слез

я видела новую эмоцию на его лице: растерянность. Он буквально потерялся, не зная, куда себя деть.

Не давая ему очередную возможность втоптать меня в грязь, я быстро покинула кабинет.

В тот день мы ни о чем так и не договорились.

– Диана, – ладонь Саши аккуратно упала на мое колено. Я поймала на себе ее встревоженный взгляд, – может, ты все же поделишься с нами?

– Чем именно? – пытаюсь казаться расслабленной, я слишком импульсивно пожалала плечами. – У меня ведь все отлично!

– Ага, – Рита с подозрительным прищуром изучала мои бегающие из стороны в сторону глаза. – Мы все видим, подруга. Колись уже.

С каждым днем все тяжелее становилось скрывать тайну Шлефова от подруг. Которым, к слову, я раньше все рассказывала. Сейчас же казалось, словно телефон с пресловутым дик-пиком прожигал мне карман... Хранить настолько большой секрет для меня оказалось в новинку. Словно кто-то привязал огромный камень к шее! Попробуй удержи. Да еще и сама не утони...

– Хватит уже! Все правда нормально, – деланно психанув, я отложила конспект по международному праву на деревянную скамью и приступила к агрессивному вгрызанию в зеленое яблоко. На нем я отыгралась по полной!

Девочки, устроившиеся прямо передо мной на все еще теплом газоне внутреннего дворика, в который раз переглянулись. Я вздрогнула. Казалось, они вот-вот откуда-то обо всем догадаются! Проникнут в мысли и увидят то самое интимное фото...

– Я ведь говорила, – деловита заявила Рита Саше, – у нее просто появился мужчина!

– Что?! – я опешила от такой догадки и почти уронила целое яблоко. То покатилося прямо к центральным воротам. – Откуда такие выводы, Штирлиц?

– Похоже на то... Но зачем скрывать... Мы ведь не Настенька Петрова и осуждать не станем! – Саша задумчиво принялась грызть ногти, а после с ужасом перевела взгляд на меня. – Он что, старый? И, еще хуже, женат?

Сглотнув тяжелый ком, я положила руку на колотящееся сердце. Лишь немного придя в себя, я постаралась их убедить:

– Нет. Это все бред сивой кобылы. Как вообще мои лучшие подруги могли ТАКОЕ обо мне подумать?

Они мне не поверили. Я видела это по глазам и кривой улыбочке. И когда я, оскорбленная до глубины души, уже готова была с пеной у рта доказывать свою правоту, позади послышался обманчиво спокойный хриплый бас:

– Кажется, это вы яблоко обронили, Василькова. Что, руки уже не держат? Или это первые признаки Альцгеймера?

– Код красный! – одними губами прошептала побелевшая

Саша. Рита же просто сверлила профессора за мной пронзительным взглядом. – Повторяю, это не учебная тревога! Код красный! Красный!

Бежать было поздно, да и куда? Мы посреди огромной площадки, предназначенной для отдыха студентов. Нехотя обернувшись, я увидела направляющегося к нам Шлефова, держащего в руке откусанное мною яблоко. С коварной улыбкой он смотрел только на меня. Не моргая. Аж жуть брала.

– Мне оно больше не нужно. Дарю, – за неестественной улыбкой я пыталась спрятать презрение и злость. Вышло плохо. Мужчина фыркнул и кратко закатил глаза.

«Как я тебя ненавижу!», – без слов шептал профессор.

«Взаимно!», – отвечала ему я.

– Ректор Игнатъев просил обсудить с вами тему грядущей научной работы, – холодно заявил он, обведя нас с девочками полным признания взглядом, словно оценивал падших глупых проституток на паперти. Я бы обиделась, но профессор так на всех смотрел – свысока и презрительно. – Жду после учебы в «Глобусе». Пройдемся по деталям.

Не давая мне возможности возразить, Шлефов быстро развернулся и потопал обратно в здание университета.

– Он что, – Саша опешила, – будет твоим куратором? Жест, не повезло... Бедная моя!

Я тяжело задышала. Казалось, почва ушла из-под ног, а мир стал плоским.

– Странно все это... Зачем зовет тебя в забегаловку у вуза, а не в свой кабинет? – Рита задумчиво уставилась вслед препода. – Как-то Шлефов изменился за последние дни... Только я заметила? Что-то с ним не то...

– Ничего странного! При свидетелях он побоится меня прибить. Посадят. А в «Глобусе» студентов полно, придется сдерживать внутреннего монстра, – ляпнула я, а потом собрала волю в кулак и бросилась за мужчиной. – Стойте, профессор Шлефов!

Он как раз выбрасывал огрызок яблока в урну. Да еще с таким видом, словно это чужой использованный презерватив. Скривился, поморщился, руку антисептиком протер... Разве что не перекрестился!

– Что тебе, Василькова? Хочешь доесть? Поздно. Хотя, это же ты... – он облил меня новой порцией пренебрежения и закатил глаза. – Можешь достать. Приятного аппетита!

Я тяжело задышала, пытаюсь мысленно успокоиться. Шлефов, конечно, был еще тем козлом, но... Нет! Он был просто козлом. Точка. Никакого продолжения.

– Вы – мой новый куратор по научной работе? – говорила я спокойно, пока внутри все переворачивалось. Пару пар в неделю с этим человеком давались с трудом. Выносить его чаще? Жизнь к такому не готовила...

Он видел, что внутри я умираю. Упивался страхом студентки. Улыбался, не скрывая радостные искры в глазах. Долго держал паузу... Меня чуть не вывернуло от тошноты

и головокружения, когда Шлефов наконец сжалился и ответил:

– Только через мой труп! Окстись! Просто хочу с тобой обсудить... Эм... Сложившуюся ситуацию.

Облегченно выдохнув, я смогла вернуться к сарказму:

– Вы имеете в виду ваш голый половой?..

Резко достав из кармана жвачку, он на удивление быстро и ловко закинул мне её в рот. Я чуть не подавилась! Но Шлефову было плевать... В панике обернувшись по сторонам, мужчина торопливо убедился, что нас никто не слышал. Только после этого расслабился. Даже мои подруги оживленно о чем-то болтали и совершенно за нами не следили.

– В общем, – снова заговорил он, – у меня для тебя выгодное тебе предложение. Жду в восемь в «Глобусе». Все поняла, Василькова? Или тебе по буквам повторить? Ты же у нас подтормаживаешь...

И тут я поняла кое-что удивительно: несмотря на все грубости и сарказм, профессор Шлефов шел у меня на поводу и был готов выполнить любое условие, лишь бы о его конфузе никто не узнал. Я была так счастлива, что не сдержала коварной улыбки. Моя взяла.

– Не забывай, – сверкая праведным гневом, процедил он по слогам, – лебедь свинье не товарищ! Все будет по-моему!

Он пытался запугать меня многообещающим взглядом, только вот впредь это не работало. Самодовольно подмигнув, я нагнулась к его уху и шепнула:

– Правда, профессор Шлефов? Тогда я полетела! А вы не слишком там увлекайтесь яблочками из мусорки...

Развернулась и ушла к подругам не оглядываясь. Но взгляд голубых глаз, прожигающих во мне дыру, ощущала еще очень долго. Слишком долго...

В назначенное время я пришла в «Глобус», но почему-то долго не решалась войти. Нервозность во мне никуда не девалась. Одно дело общаться со Шлефовым при огромном потоке студентом на паре, а другое – сидеть один на один в кафешке. Да, заведение людное, но столики расположены очень обособленно, с высокими перегородками. При большом желании профессор и пришить меня там может так, чтобы никто не заметил...

– Что ты такое несешь? – успокаивала я себя дрожащим голосом. – Саша и Рита знают, что ты со Шлефовым. Если что – его посадят.

Слабое утешение, но на время это сработало. Приняв облик равнодушной хладнокровной студентки, я вошла внутрь кафе на полчаса позже. Шлефов злился и нервничал. Уже подходя к мужчине я четко видела: сейчас в мой адрес прилетит очередная колкость. Она прямо на языке у него крутилась. Что-то типа: «Что, Василькова, в трех соснах заблудилась?» или «Забыла, что значат стрелочки на циферблате? Ты ясельки с университетом мирового уровня перепутала?».

Морально к грубому сарказму я уже была готова. Сжимая

руки в кулак, топая ногой по полу, кусая губы, он стрелял в меня хитрыми глазами.

– Василькова, ты... – начал он и... Осекся. Впервые в жизни сам себя одёрнул. Показательно спокойно указал мне рукой на место напротив и процедил. – Нет времени! Хочу, чтобы это быстрее кончилось. К делу.

Это казалось странным. Подозрительным. И, черт его дери, непривычным! Я была заинтригована, но все равно задумалась и вдруг решила, что не хочу прямо сейчас отпускать поводок. То есть, Шлефов три года меня тиранил, а я его должна за пару встреч помиловать? Нет уж!

Прекрасно видя, как тяжело ему дается мое общество, я улыбнулась:

– Что же вы так... Прямо с порога... Хоть бы какой-то комплимент даме сделали, профессор. Не хотите сгладить углы? Так сказать, расположить меня к себе и задобрить.

– Комплимент захотела? Хм... – он замер, удивленно бровь поползла ко лбу. Сжав губы в трубочку, он скривился: – Говорят, нельзя делать ДАМЕ комплимент по поводу усов, как бы хороши они не были. Так что нет, и я не стану.

Я тяжело задышала от нового прилива злости. Маска равнодушия была повержена и наружу вышло мое истинное лицо – полное ненависти к мужчине.

– Что, – я перестала быть вежливой, – даже ДАМУ ужином не угостите?

– А надо? – он тяжело вздохнул, нервно глянул на часы. –

Дама сама дома не поест?

– Нет. Если дама будет есть сама дома, то может чисто «случайно» скинуть одно интимное фото всем своим знакомым... – демонстративно уставившись в меню, я старательно делала вид, что увлечена. – На голодный желудок я злая и к переговорам не расположена. Оно вам надо?

Махнув рукой, он откинулся на стул и закрыл лицо руками:

– Угощаю, Василькова. Бери все, что хочешь! Только быстрее, умоляю. Секунда с тобой рядом, как год на каторге.

Ну, а я что? Бедный студент, привыкший питаться одними макаронами да яблоками. От счастья перед глазами все померкло, а желудок победно заурчал, приготовившись к пиру.

– Мне, пожалуйста, три шаурмы, салат «Цезарь», картошку фри, сырные палочки, колу, молочный коктейль и... – я взглянула на удивленного Шлефова. Он не мог поверить, что такая хрупкая девушка, как я, способна столько съесть? Что же, этот мужчина просто не сидел на общажной диете три года... – Самый большой кусочек любого торта! Нет... Давайте два!

Шлефов нервно топал ногой по полу, пока я тщательно и долго жевала три шаурмы. Надо было видеть лицо мужчины, когда он понял, что для меня это никакая не проблема. И лишь когда перешла к картошке, он не выдержал и воскликнул:

– Кто бы мог подумать, что в тебя столько вмещается! Да-

же жутко немного... Бездонная какая-то.

– Хороший аппетит приходит во время еды, а отличный – во время диеты! А мне ее по долгу студента приходится вот уже четвертый год соблюдать. Вы-то страхом людей питаетесь, вам не понять.

Он молчал, но злился. Внимательно следил за тем, как тикала стрелка на ручных часах. Иногда издавал протяжные изнывающие рыки и бросал в мою сторону взгляды, пропитанные чем-то кислотным и ядовитым. Наконец, перейдя к десерту, я по-барски кивнула:

– Вроде перекусила... Готова слушать.

Он мгновенно посерьезнел:

– Снова спрашиваю, Василькова: чего ты хочешь?

Я расплылась в сытой улыбке и мечтательно прикрыла глаза:

– Чего хочу? Хмм... Простого человеческого перевода на карту с подписью: «Ни в чем себе не отказывай!». Тысяч сто сейчас бы решили все мои проблемы! А вам зачем? Решили пофилософствовать?

Конечно, я пошутила. Это было очевидным. Но вот Шлефов вдруг зарылся в телефоне. Сперва я решила, что он в наглую переписывается с кем-то, игнорируя при этом меня. Только вот спустя минуту мой сотовый завибрировал и... Я подавилась молочным коктейлем.

– Сто тысяч?! Вы так просто перевели мне такие огромные деньги? – я снова и снова обновляла приложение бан-

ка, не в силах поверить своим глазам. Шлефов даже подпись сделал, как я озвучила. С недоумением посмотрев на застывшего профессора, я растеряно вскинула руками: – Что? Зачем? Не понимаю...

– Не «просто так», Василькова. Я даю тебе фору в три желания, – выпалил он, пока я пыталась вспомнить, видела ли моя карта когда-то такие огромные поступления. Нет... Не видела... – Перевод на карту – первое. Считай, уже потраченное. Осталось еще два.

– Два желания? – ситуация становилась все более запутанная и непонятная.

– Да. Два, – кивнул тот серьезно в подтверждение. – Я выполняю, и ты забываешь о фото. А точнее, подписываешь официальный документ при моем юристе. Мол, никогда и никому его не покажешь.

Дыхание ускорилось. Мир вокруг перестал казаться реальностью. Крепко обхватив руками стол до побеления косяшек, я окончательно растерялась:

– Но... Мне нужен только зачет... Чтобы никогда вас больше не видеть! Зачем такие сложности?

– А вот это – нет, – вдруг строго отмахнулся тот. – Я оценки за красивые глазки никому не ставлю, поняла? Это мой принцип. И даже наша ситуация ничего не меняет!

«Он считает мои глазки красивыми? Интересно, давно?», – почему-то подумала я и тут же отмахнулась. Какая кому разница, что он там считает?!

– Но...

– Учить будешь, как все. Это не обсуждается, – чеканя слова, он не давал мне возможности апеллировать. Явно к разговору давно готовился и все для себя решил. – В общем, думай, Василькова. Два желания еще есть. В пределах моих возможностей, естественно. И, как ты уже поняла, незаслуженные оценки я ставить не буду.

В тот момент ответить что-то разумное и взвешенное я была не готова, уж слишком шокировало «предложение». Поэтому Шлефов снова поставил меня перед фактом:

– Думай. Только недолго. Как что-то решишь, пиши по СМС. Номер ты, как я понимаю, знаешь.

Вышла из «Глобуса» я потерянная и дезориентированная. В задумчивости даже пропустила свою остановку и двадцать минут потом шла пешком до общежития. Не сомкнув в ночи глаз, я пришла к двум неутешительным выводам. Во-первых, знай я, что Шлефов реально переведет мне деньги, просила бы больше. Что для него эти сто тысяч? Ездит на «Ягуаре», а одевается только в «Армани»... И, во-вторых, что-то в его предложении казалось нечистым, подставным... Ну, не верила я в покладистого и идущего на уступки профессора. Говнюки не меняются!

Но, на рассвете, махнув рукой, я-таки задремала. Как говорила моя мудрая бабушка: не важно, плывешь ты по течению или против, главное, чтобы на яхте. Моя яхта – припрятанный в надежном месте дик-пик. И как бы Шлефов не

пытался извернуться, туз все же в моем рукаве, а не его!

ГЛАВА 3

Сто тысяч...

Сидя в аудитории в ожидании пары Шлефова, я все еще не могла поверить своим глазам. Снова и снова обновляла страницу, а деньги из банковского приложения никуда не девались. И дело даже не в огромной сумме, казавшейся мне – бедной студентке – запредельной. А в том, что сто тысяч являлись единственным подтверждением правдивости событий вчерашнего вечера. А значит, Шлефов действительно предложил мне три желания на выбор... Точнее, уже два. Как это может быть правдой?!

– Диан, – окликнула меня Рита. Я инстинктивно заблокировала телефон и перевернула его экраном вниз. Подруга тут же с подозрением посмотрела на сотовый. – С тобой все нормально? Бледная, дерганная, губы в кровь искусала...

– Да-да, – нервно улыбнувшись, я неестественно быстро задышала. Казалось, догадливая Рита уже читает мои мысли. – Просто переживаю перед парой.

– Не стоит, – приободрила меня Саша, весело подмигивая. – Ты умная девочка. Вон, как прошлый раз профессора на место поставила! Он уже понял, что ты крутая, и больше не будет тебя доставать.

Саша была отпетой оптимисткой. Порой ее розовые очки помогали мне не упасть духом. Я благодарно усмехнулась и

тут же услышала, как на ряд вниз хохочет одна противная девушка. Настенька Петрова.

– «Крутая»? – она в истерике стерла слезы, ударяя себя кулаком в грудь. – Разве что, как колбаса за пять рублей из супермаркета для бомжей, типа вас и ваших родителей. Такая же многообещающая снаружи и картонная внутри.

Рита по-боевому дернулась вперед, Саша удержала ее движением руки. Мол, она того не стоит. Я же, насмешливо вздернув бровь, спокойно спросила:

– Настюш, это тебя папа ректор учит чужие беседы подслушивать?

По лицу Петровой прошла судорога, а губы сжались в тонкую линию:

– А ты моего папу не трогай, поняла?! На твоём месте я бы ему ноги сейчас целовать бежала. А знаешь, почему? – девушка вдруг преобразилась, стала радостная и злорадная. – Вчера он дал добро Шлефову на твоё отчисление. Лично слышала. Так что недолго нам тебя, такую «крутую», терпеть.

Мы замерли, переглянулись в тревоге.

– Никто её не отчислит. Поняла? Ни за что! – фыркнула Рита, но всё равно недостаточно убедительно. Мы все понимали, просто так Настя бы такое не говорила. Значит, были основания.

– Всегда можно найти причину. А Шлефов в этом плане лучший... – Настя вдруг позволила себе мечтательно вздох-

нуть и расплыться в пьяной улыбке. Я вдруг поняла, что Петрова либо влюблена в нашего профессора, либо просто его фанатка. – Он такой умный мужчина, что всегда найдет причину. Не сомневайся в нем.

Я задумалась: мог ли Шлефов вести двойную игру? Мне вешать лапшу, а сам за спиной договариваться о моем отчислении? Не успела я хорошо обдумать все «за» и «против», как в кабинет вошел сам виновник торжества.

Грызая ногти, нервно топая ногой под столом, я думала о том, как же мне аккуратно прощупать почву. Правда ли профессор собрался выполнять мои просьбы? Или только водит за нос?

– Начнем пару с опроса, – холодно осведомил мужчину, устроившись за рабочим столом и уткнувшись черной ручкой в журнал. – Так-так... Кто тут давно у нас не отвечал?

Развернувшись в мою сторону, Настя с предвкушением хлопнула в ладоши:

– Видела, Диана? Вот приблизительно так он тебя и завалит. А завтра уже билет, вокзал и опять твой сельский коровник, из которого ты приехала.

Злорадная идея пришла в голову мгновенно. Как озарение. Торопливо взяв в руки телефон, я написала Шлефову сообщение: «Я придумала желание. Хочу к себе хорошего отношения. Чтобы все вокруг видели, что вы не относитесь ко мне, как к куску дерьма!».

– Что ты там строчишь? – шепнула на ухо Саша, но я то-

ропливо спрятала от нее телефон и забарабанила пальцами по столу. – Ох, опять секреты от лучших подруг!

– Точно, мужчину нашла... – присвистнула Рита. – Судя про всему, реально женатого и с детьми.

Мне уже было все равно, кем сейчас считали меня подруги. С замиранием сердца я следила за тем, как в черном кожаном портфеле профессора завибрировал телефон. Он лениво засунул в него руку, достал и мельком глянул на экран смартфона. Затем еще раз, но более внимательно. И посмотрел прямо на меня. Так пронзительно, что сердце упало в пятки от страха.

«Это то, чего ты на самом деле хочешь?», – пришло спустя мгновение. И он снова посмотрел... Нет, разобрал на атомы и собрал обратно. За годы я видела разными его голубые глаза, но такими загадочными и решительными никогда...

Я не думала. Мне просто хотелось, чтобы все вокруг перестали считать меня куском дерьма по вине Шлефова. Поэтому «да» отправила без промедлений.

«Как скажешь!», – краткий и четкий ответ. А внутри меня что-то лопнуло... Я обмякла безжизненно на стуле и прикрыла лицо руками.

– Боже... – прошептала себе под нос, словно в бреду. – Что я вообще творю? Когда моя жизнь свернула не туда?

– Что ты сказала? – скривившись, переспросила Саша. – Ничего не разобрать...

Но я не успела придумать убедительную ложь. Громоглас-

ный преподавательский голос развез пространство своим суровым басом:

– Ох, вот кто давно не был у доски... Василькова, выходите!

Настя Петрова радостно поерзала на стуле и издала пугающий утробный звук. Ей так натерпелось увидеть мои унижения, что она снова и снова повторяла под нос: «Вот сейчас! Сейчас!».

– Все будет хорошо, – шепнула на ухо Саша. – Ты умница.

– В любом случае, – реалистка Рита сочувственно пожала плечами, – пара длится не так долго, и когда-то это закончится. Всегда заканчивалось...

Поднявшись на дрожащих ногах, я одернула вниз юбку в клетку, расправила пуговицы ставшей тесной в груди блузы.

– Пишите задачки, – спокойно произнес Шлефов, когда в моих руках оказался мел. – А теперь решайте.

В панике я не заметила, как справилась с упражнениями за доли минуты. Нервы сделали свое дело, и я даже не обратила внимание на один важный нюанс: это была просто текущая программа. А ведь обычно Шлефов валил меня на более сложных примерах, не предназначенных для моего профиля.

– Вот это да! – воскликнул профессор за моей спиной. От испуга я вздрогнула и отскочила в сторону. – Василькова, это же чудо: так быстро и такие сложные примеры. Ваши умственные способности выше всяких похвал!

– Эм... – я судорожно пыталась понять, где в его словах насмешка и издевательство. Но не находила, и это пугало еще больше. – Мне просто...

– Не скромничайте! – с улыбкой Шлефов вдруг повернулся к аудитории и указал руками на меня. – Смотрите, ребята, и учитесь! Умная прилежная студентка. Вам всем надо на нее ровняться! Пять и только пять. Тут даже не обсуждается.

С широко распахнутыми глазами я наблюдала за тем, как мужчина реально ставит в журнале ручкой высший бал. В аудитории стояла гробовая тишина. Все переглядывались.

– Знаете, Василькова, обычно я такого не делаю, слишком занят! Но стать куратором вашей научной работы буду очень рад. И сам договорюсь об этом с ректором Петром Семеновичем, – на полном серьезе завил он мне перед полной аудиторией. Я так челюсть на пол и уронила... Вместе с мелом. – Садитесь, Василькова. Больше вы меня сегодня поразить не сможете.

«Взаимно!», – подумала я и на ватных ногах поплелась обратно. Все еще не понимая: что это было? Зачем это представление?

– Простите, конечно... – ехидный голос Насти Петровой оживил аудиторию. – Но нам серьезно надо ровняться на... это... В чем ее гениальность, профессор Шлефов? В том, что у нее юбка, прости господи, еле пятую точку прикрывает? Или в том, что она умеет решать простенькие задачки для пятиклассников? Не понимаю!

Шлефов молча выслушал ее истерику, а после махнул рукой на доску:

– Правда простые? Что же, решите мне такие же. К доске, Петрова.

Настя полчаса пыжилась, мучилась, а Шлефов ее обратно за парту не отправлял. Ему словно нравилось смотреть на пунцовые щеки девушки и глупые, неверные расчеты.

– Нет, Настя... Семью на восемь не сорок один! Нет, Настя... В числе восемнадцать избавиться полностью от корня нельзя! Нет, Настя, нет! Девять умножить на ноль будет ноль, а не девять! Ты вообще в школу ходила или как? Это даже не высшая математика, а база!

Пока я удивлялась тому, каким образом Настя все эти годы числилась отличницей, и каким образом за три года Шлефов ни разу не вызвал ее к доске, в аудитории все шептались. Их мало волновали умственные способности дочери ректора.

– Что это было с Васильковой? – услышала я позади чье-то недоумение. – Почему Шлефов вдруг к ней так переменялся? Что-то здесь не чисто!

Пара еще не подошла к концу, а поток уже поделился на две группы. Одни считали, что я сплю с преподам за оценки, и окрестили одним кратким словом – шлюха. А другие были уверены, что я дочь миллионера, который заплатил Шлефову огромные деньги за мое продвижение. Удивительно, но и эта группа в клочке далеко не продвинулась – шлюха.

Таким образом к моменту окончания пары моя репута-

ция впервые упала на самое-самое дно. Если раньше по вине Шлефова надо мной немного насмехались, но и сочувствовали, то теперь абсолютно каждый меня ненавидел.

Бегло постучав по двери кабинета Шлефова, я нетерпеливо ворвалась внутрь. Мужчина расслабленно стоял у рабочего стола и задумчиво перебирал бумажки.

Сердце выскакивало из груди, злость смешалась с раздражением, и я прокричала:

– Вы должны все исправить!

– «Должен»? – мужчина искажился хищной животной улыбкой и отложил в сторону работу. – Я должен был исполнить твое второе желание, Диана. Именно это я и сделал. И больше ничего!

В голове все перепуталось! Я, как наяву, все еще слышала все обидные слова, что говорили обо мне девочки с потока. Сжав виски пальцами, я мотнула головой и попыталась собрать мысли воедино:

– Но ведь...

– В чем проблема? Я стал относиться к тебе хорошо? – он наступал на меня медленно, чеканя каждый шаг. Как лев, загоняющий в угол обед.

– Стали, но... – чем ближе подходил профессор, тем отчетливее я ощущала мускатный аромат его удушающих духов, и тем быстрее билось мое сердце.

– Показал всей группе, что ты «не кусок дерьма»? – голу-

бье глаза горели пугающим адским пламенем, а голос становился все менее доброжелательным.

Не замечая того, я медленно шагала назад, пока не врезалась спиной в книжный стеллаж. Шлефов видел это, но темпа не сбавлял. И уже вскоре я оказалась буквально зажата меду разоренным мужчиной и книгами. Мозг провалился в желудок, дышать стало сложно, а говорить еще труднее:

– Показали, вот только...

Он вдруг перешел на вкрадчивый шепот, пока прищуренные голубые глаза скользнули по моему лицу:

– Был вежливым, не придирчивым, обходительным? Самому от себя тошно!

Я словно находилась в странном, совершенно нереалистичном сне. Что вообще делал Шлефов? И, главное, зачем? Пытался напугать? Обезоружить наступлением? Вышло это просто прекрасно. Потеряв себя, я открывала и закрывала рот, не силах справиться с подавляющей энергетикой мужчины.

И даже сейчас, прекрасно видя, что победил, он продолжал наседать... Рука профессора поддела прядь моего длинного локона и задумчиво накрутила на палец. Непринужденно и лениво. В этот момент меня словно током ударило! Оттолкнув его руку, я отшагнула в сторону двери и прокричала:

– Только вот это не сработало! И... Вы на самом деле собрались курировать мою научную работу? Или это очередное изощренное издевательство?

Он оскалился, как самое настоящее животное – дикое и опасное. Меня пробрала дрожь, а хриплый бас заставил съездиться:

– Почему же издевательство, Василькова. Ты ведь именно этого хотела, не правда ли? Стать моей любимой ученицей. Вот, получай желаемое.

И тут я поняла, что влезла в самые настоящие неприятности! Шлефов выглядел, как победитель, а я снова пасла задних. Так не должно было быть.

– Нет, не этого... – вдохнув побольше кислорода, я храбро вскинула подбородок и, наконец, осмелилась смотреть только в его жесткие глаза: – И вообще, вся эта история с тремя желаниями глупая и странная. Я все отменяю.

Лицо Шлефова переменилось. Ноздри начали раздуваться, как у быка на корриде. Сведя брови на переносице, он обманчиво спокойно процедил сквозь стиснутые зубы:

– Отменяешь? И деньги вернешь что ли?

Желая скорее поставить мужчину на место, я быстро достала из сумочки телефон, вошла в приложение банка и собиралась вернуть деньги обратно. Только вот меня ждал неприятный сюрприз: денег больше не было.

– Верну... Только не прямо сейчас, – в растерянности выдавила из себя я, совершенно не понимая, о чем и думать.

Запрокинув голову к потолку, профессор утробно рассмеялся:

– Так я и знал. Все вы девушки одинаковые... Уже потра-

тила на шмотки и тусовки, да? – ответить мне было нечего. Словно в ужасном сне я снова и снова проверяла счет, но он был пуст. Пропали не только деньги Шлефова, но жалкие остатки стипендии. У профессора же словно открылось второе дыхание. С кривой повелительной усмешкой он поставил меня перед фактом:

– Так вот, пока деньги не вернешь, Василькова, будем действовать на моих условиях. Хотела хорошего профессора? Получай, дорогая. И поскорее придумай последнее желание.

Обескураженная и потерянная, я даже не стала припираться и бросилась к выходу:

– До свидания!

– «До свидания»? – услышала я в спину и замерла. – У нас разве сегодня свидание, Василькова. Не припомню.

– С вами на свидание? Да никогда! – с губ сорвался нервный смешок. Именно тогда я увидела, как почернели глаза Шлефова. Было острое чувство, что я сказала что-то не то. Стоило убраться до того, как мужчина решит предпринять что-то нехорошее. – В общем, мне пора...

Я выскочила из кабинета, как ошпаренная. Но времени обдумывать произошедшее между мной и профессором не было. Все мысли занимал лишь один вопрос: куда пропали деньги?

– Да, деньги были сняты с вашей карты, – спокойно проинформировали меня в технической поддержке. – Максимум, чем могу помочь, это назвать адрес банкомата.

– Давайте... – задержав дыхание, я словно знала, что информация шокирует. Так и произошло. Теперь я точно знала, кто именно похитил чужие деньги. Оставалось узнать лично: зачем? И, главное, каким образом?

Прошло много времени с моего отъезда из родного города, но каждый раз, когда я набирала номер родителей, дрожали руки.

– Привет, дочурочка! – всегда мама казалась приветливой и заботливой. Такой видели ее окружающие и не понимали, почему это я, чёрствая плохая дочь, всячески пытаюсь перестать с ней общаться. Но мне было стыдно рассказать хоть кому-то, как эта женщина по любому поводу приказывала отцу избивать меня до полусмерти, а сама в этот момент властно улыбалась и повторяла: «Ты ведь понимаешь, что ты виновата, а не мы? Заслужила!». Теперь это было в прошлом, но голос женщины будил спящие воспоминания... – Как ты, родненькая моя? Давно не звонила... Со всем о здоровье матери не думаешь! А у меня, между прочим, вчера давление поднялось. Пришлось отцу срочно за врачами ехать. Все родственники позвонили, но не ты. Вырастили неблагодарную... Самой-то не стыдно?

Я усмехнулась. Удивительно, какими бы плохими не были отношения с родителями, они все равно способны выжать из тебя необоснованное чувство вины!

– Судя по голосу, все уже отлично! – не давая маме и се-

кунды одуматься, тут же перешла к делу: – Вы зачем деньги с моей карты сняли?

По ту сторону возникла гробовая тишина. А потом растерянный лживый голосок:

– Какие деньги, доченька? Ты чего? Как бы мы сняли...

– Я вот тоже сперва думала: «Как так?». А потом оказалась, что к моему счету в банке привязаны не одна, а две карты, – я выждала паузу. Было очень интересно, какое оправдание придумает мама, но та рассеянно издавала невнятные звуки. – Помнишь, в прошлом году мы оформили эту карту, чтобы, если я устроюсь на работу, могла помогать вам деньгами.

– Я ведь сказала тебе, – прокричала она, – мне не нужны твои подачки! Я разрезала ее на мелкие части и...

– Не разрезала! – злость внутри меня так и рвалась наружу. – Более того, ходила в банкомат и проверяла состояние счета.

– Это еще доказать надо, – с вызовом выплюнула она, и тогда я поняла, что все мои гадкие предположения верны.

Фыркнув от омерзения, я внимательно оглядела внутренний дворик вуза. Стоило лишний раз убедиться, что никто не услышит мой позор.

– Ты в курсе, что это воровство? Я могу пойти и написать заявление в полицию! – как можно тише прошептала. Не хотелось, чтобы кто-то знал о моих проблемах с семьей.

– Заявление на мать с отцом? Вообще с катушек съеха-

ла?! – женщина вдруг начала задыхаться от возмущения, перешла на писклявый крик. – А вообще, пиши! Пусть все вокруг знают, что дочь у нас шлюха, и ей всякие мужики одним платежом сто тысяч переводят!

– Мама, – я обомлела от шока, – ты что такое несешь?

– Правду! Глаза режет? Отправили тебя учиться, а ты там спишь с мужиками за деньги, да?! Отец всегда знал, что так оно и будет! Не всю дурь мы из тебя выбили!

С семьей мы никогда близки не были. Родители всегда относились ко мне, как к ненужному и неправильному придатку, в последствии мама лично убедила всех членов семьи в том, что я – ужасный человек, и относиться ко мне нужно с отвращением. Пресмыкаться и играть на их условиях я больше не хотела, поэтому откровенничать с мамой было бы глупо.

– Это не мои деньги, а подруги Саши, – моментально солгала я первое, что в голову пришло. – У нее заблокировали карту, поэтому родственники скинули деньги на учебу мне.

– Как это «не мои?» – я прямо слышала дрожь в голове мамы. – Ты почему не сказала? И что теперь будет?

Злорадно улыбнувшись, я решила добить ее по полной:

– У нее отец влиятельный бизнесмен. Думаю, сразу в органы пойдут.

– Ну, – с облегчением выдала женщина, – отчислят и отчислят. Приедешь домой и будешь помогать с хозяйством.

– Мне ничего не будет, ты что! Это ведь вы деньги украли.

Все на камерах банкомата запечатлено, – я блефовала, ведь про камеры знать не могла. Но женщина испуганно ахнула и тут же торопливо что-то шепнула сидящему рядом отцу. Они начали ругаться... Как бальзам на сердце... Не прошло и минуты, как мама снова подала голос: – Если так, то ладно. Мы вернем деньги.

Внутри я ликовала, ведь уже сегодня могла разорвать все связи со Шлефовым. Уже представляла, как разменяю деньги по мелким купюрам и кину в его наглое лицо! Нет, лучше мелочью... Так больнее.

– Быстрее. Саша уже начала нервничать, – поторопила их я холодно. – Вам не нужны проблемы с ее отцом.

– Завтра! Сегодня мы в банкомат не пойдем. Жди, – и отключилась. Мне только и оставалось, что в недоумении смотреть на трубку и нервно кусать губы.

В тот вечер я задумчиво крутила между пальцами ручку, не в силах погрузиться в учебу. Мысли о деньгах оттеснили все другие! Вдруг сотовый завибрировал. Я кинулась к нему с надёжной, что это родители, которые сжалились и перевели деньги обратно.

«Диана, добрый вечер! Завтра я курирую марафон с твоим участием. В семь утра жду у сквера», – словно ни в чем не бывало писал Шлефов. Было странно видеть это сообщение сразу после голого тела преподавателя. Удалить которое из общей беседы я просто забыла.

Не замечая того, я увлеклась разглядыванием фото. Как у

такого противного человека могло быть такое шикарное тело? Рельефное, спортивное, подсушенное и правильно сформированное... Вселенская несправедливость!

«Только не говори, что ты любишь фото, Василькова!», – пришло новое СМС, и я встрепелась, оборачиваясь по сторонам. Было полное чувство, будто в общежитие камеры и за мной следят.

«Было бы на что смотреть, господин Шлефов!», – в тон ему ответила я. Никогда бы не призналась в этом вслух, но, да... Там было, на что посмотреть. Это была моя грязная жуткая тайна: разглядывать это фото каждый вечер перед сном. Никто и никогда об этом узнать просто не мог.

«Никто не жаловался», – пришло вдруг. В буквах прямо чувствовались надменность и величие. Резко захотелось опустить планку самомнения профессора, и я несдержанно ответила: «Оптимист? Радуетесь мелочам? Очень похвально в вашей ситуации».

Я была просто уверена, что сейчас получу гневную учительскую тираду, но вместо этого пришло нечто саркастичное: «У тебя все в порядке со зрением, Василькова? Может, стоит пересесть с третьего ряда на первый?».

«Знаете, – поудобнее устроившись на постели, я незаметно для себя втянулась в странную игру, – у моей мамы магазин оптики, но даже она тут бессильна!».

Ответа не последовало, а я уже раскочегарилась и оставалась не собиралась.

«Вам холодно, или он всегда такой?».

А в ответ только подмигивающее СМС.

«Знаете, у собаки моей подруги такой же прыщ на лапе.

Не знаете, от чего он?».

Прошло более пяти минут ожидания, когда Шлефов вдруг напечатал нечто, по моему мнению, совершенно не логичное: «Теперь я абсолютно убежден, что ты рассматриваешь его постоянно. И тебе понравилось. Ай-яй-яй, плохая девочка!».

Я вздрогнула... Было в этих словах что-то... Чего не должно быть между преподавателем и студенткой? Тут же отряхнула голову. Какая глупость! Шлефов ненавидит меня до одури и способен только на издевательства.

Вдруг вспомнив, что завтра мне следует быть на марафоне, я измученно застонала и переменяла тему: «С прискорбием приду к семи к скверу. Сообщите, если тоже соберетесь преодолевать дистанции. В таком случае захвачу две гвоздики!».

Той ночью мне снились странные, совершенно неправильные сны. Почему-то главным героем был никто иной, как профессор Шлефов. И делал он то, чего не стоит повторять преподавателю.

ГЛАВА 4

Утро нового дня не задалось с самого начала. Сперва я отложила будильник, чтобы поспать «еще пять минуточек», а отрубилась на целый час... Час! Потом, в суматохе собираясь на марафон по бегу, уронила линзы в унитаз. И, увы, смыла до того, как поняла свою ошибку. Проблема заключалась в том, что без этих линз я видела довольно плохо. А новые купить не могла, ведь родители сняли все деньги с моей карты. Не только сто тысяч от Шлефова, но и мою заслуженную стипендию!

Благо, на проездном в метро оставалась целая куча поездок, и до сквера удалось добраться без приключений. Ну, почти...

– Присаживайтесь! – уступила я место в автобусе глубоко беременной девушке. – На вашем сроке вредно стоять. Такая нагрузка на позвоночник!

– Вы это на что намекаете?! Я – мужчина! – прорычал на меня здоровый мужик. – Какая такая нагрузка!

А спустя десять остановок я увидела, как молодой мужчина, доставая что-то из кошелька, роняет на пол денежную купюру. О чем, естественно, я ему и поспешно сообщила.

– Какой я, по-вашему, мужчина? Я – девочка! – застонала та в пол голоса. А потом, кажется, покраснела до мозга костей: – И это не купюра, а презервативы. Могли бы не кри-

чать об этом на все метро! Упали и упали...

С этого момента я сидела и помалкивала. Подальше от греха.

Профессор Шлефов ждал меня, как было оговорено, у входа в сквер. Станным образом я узнала его по походке, росту и телосложению.

Пробежавшись по мне взглядом, он сконцентрировался на носках, выглядывающих из-под кроссовок:

– Оригинально... Это какой-то протест? Или вы конкретно мне что-то хотите сказать?

Опустив взгляд, прищурившись, я с ужасом осознала, что вместо стандартных белых носков для учебы выбрала нестандартные, домашние. Более того, разные. На одном красовался человечек, показывающий всем факи, а на втором подпись: «Пошли все нах!..». Это было полное фиаско. А я ведь вовсе забыла об этом подарке Риты на прошлый Новый Год!

– Да, – не желая падать лицом в грязь, я не подала виду, что внутри сгораю от стыда, – акция против... Рубки лесов в Сибири!

Кажется, Шлефов закатил глаза и пробормотал себе под нос что-то скабрёзное. Я даже вслушиваться не стала. По пути к месту старта мы на удивление спокойно обсудили с профессором все организационные детали. Ректор Игнатьев поставил меня курировать марафон со стороны студентов. Это была нежеланная работа для любого учащегося: кто захочет

вставить в шесть утра в субботу? Да еще и бесплатно! Но Игнатьев прекрасно знал, как сильно я нуждалась в его хорошем ко мне отношении. Как сильно мне нужна была стипендия и место в вузе, поэтому юзал по полной.

В голове крутился один вопрос: что такого сделал Шлефов, что его наказали курированием марафона со стороны педагогического состава? Да еще заставили и сотрудничать со мной...

– О, это именно то, что мне нужно! – буквально в двадцати шагах от меня расположился мужчина. На небольшом узком столике у него располагались несколько видов носков. Я тут же подумала, какая хорошая эта идея продавать нечто подобное около старта. Подойдя вплотную, я радостно воскликнула. – Добрый день! Как хорошо, что вы здесь...

– Эм, что? – парень недоуменно повел бровью, переводя растерянный взгляд с меня на Шлефова, безмолвно застывшего за спиной. – Мы знакомы?

– Конечно, нет, – не глядя я ткнула пальцем вниз. – Какая у вас такса? Хочу приобрести. Только у меня с собой мало денег. Сто рублей хватит?

– Такса с-стандартная... – незнакомец растерялся еще больше. – И она не продается! Какие еще сто рублей?? Ненормальная какая-то...

Вдруг этот парень быстро пошагал в сторону от меня и «столлик с носками» следом. Я потеряла дар речи от ужаса, ведь при ближайшем рассмотрении это оказалась самая

обычная собака такса с кофтой в белую полосу на спине. Зрение без линз было совсем не к черту...

– Какой кошмар... – покраснев от стыда, я зарылась лицом в ладони и истошно застонала. Мой главный в жизни позор застал никто иной, как мой главный ненавистник!

– Знаете, Василькова, – с трудом сдерживая смех, прошептал заговорщицки профессор на ухо, – если так хотите таксу, я могу доставить ее вам в счет третьего желания. Я, конечно, брезгую трогать руками животных... Ну, понимаете, они грязные разносчики болезней... Но ради дела готов даже лично в питомник съездить, так уж и быть!

Злясь на себя, на мир и на всех на свете, я злобно повернулась к мужчине и отчеканила по слогам:

– Достаньте лучше себе парашют и приземлитесь, наконец, со своей самооценкой!

Развернувшись, я торопливо ушла к группе студентов, раздавая им заученные наставления. Ректор Петр Семенович наивно полагал, что участие в подобном мероприятии сплотит преподавателей и студентов, но все пошло не по плану. Две касты сразу разделились и даже не смотрели в стороны друг друга. Единственное, где мы встретились – это на старте. К тому моменту я уже предусмотрительно подкатила носочки и скрыла подальше от чужих глаз свой «несанкционированный митинг».

– Пожелать вам удачи, Василькова? – не поворачиваясь в мою сторону, проговорил Шлефов.

– Себе оставьте, – фыркнула я. – В вашем возрасте только на нее надеяться и приходится.

Еще вчера я наивно полагала, что дистанция в тридцать пять километров дастся мне легко и просто. Только вот я забыла, что последний раз серьезно занималась спортом в десятом классе, когда ходила в школьный кружок легкой атлетики. Фитнес не в счет!

– Говорят, – сравнявшись со мной, спокойно проговорил Шлефов, – спорт прибавляет годы жизни...

– Ага, – мокрая насквозь, задыхающаяся от нехватки кислорода, я едва передвигала ногами, – это правда. Пробежалась и чувствую себя на все сто... Лет!

Шлефов рассмеялся. Он предпочитал бежать рядом, пока большая часть студентов и некоторые преподаватели были впереди.

– Вам надо как-то отвлечься и наладить дыхание, – выпалил он на полном серьезе. – Давайте обсудим какой-нибудь фильм? Посоветуйте мне для просмотра, подискутируем.

Я фыркнула. Внутри я умирала, двигаясь из последних сил. Если бы не Шлефов и нежелание падать перед ним лицом в грязь, давно бы сошла с дистанции. Ведь никто не заставлял меня проходить весь километраж целиком!

– Знаю один, – прорычала сквозь зубы. – «Неуместный человек» называется!

Вдруг на горизонте замаячила желтая финальная лента, а внутри вспыхнул азарт, проснулось второе дыхание. До оду-

ри захотелось обогнать Шлефова и, наконец, вернуться домой в теплую постель. Что я и сделала, сама себе не веря!

– Стой, Василькова! – услышала я встревоженный голос профессора позади. И усмехнулась. Боится, гад, что сделаю его. Правильно делает! – Стой, говорю, ненормальная!

Радостно вскинув руки, я сорвала своим телом желтую ленту:

– Ура! Я это сделала! Да, да, да!

И только в этот момент до меня начало доходить: почему никто из бежавших впереди не сорвал ленту до меня? Где тогда остальные? Почему она не тронута?

– Девушка! Аккуратно! Вы не видите, что мы яму огородили?! – прокричал откуда-то сбоку кто-то суровый и злой. Я подняла на него взгляд и увидела рабочего в желтой униформе, за ним стоял экскаватор и погрузчик. – Остановитесь немедленно!

Только вот сделать это казалось сложно, когда ноги ватные и с трудом слушаются, а работают по инерции. Я честно пыталась резко замереть, но в конечном счете потеряла ориентацию в пространстве и полетела куда-то в глубь разрытой ямы. Последнее, что запомнила, это мои подвернутые носочки на фоне яркого солнышка.

Просыпаться со звездочками перед глазами весело лишь в том случае, если ты из Диснеевского мультика! И даже к ним у меня масса вопросов: вот проснулась спящая красавица от

прикосновений чужого мужчины... И, что? Ей нормально? Откуда взялась внезапная любовь? Почему маньяк не получил по наглой морде?!

Мне вот дико не понравилось, когда я осознала себя на руках у профессора Шлефова. Он так крепко сжал мое тело, что я даже вырваться не смогла.

– Тише ты, – фыркнул он на меня, будто ничего странного не происходит. – Еще непонятно, что с ногами. Вдруг сломала?

– Это похищение, вы вообще в курсе? – перед глазами все еще мерцали красно-черные пятна, но я все равно не оставляла попытки отодвинуться подальше от бугая. А Шлефов и вправду оказался высоким... Особенно в сравнении со мной, метр семьдесят. – Вам не стоит лишний раз меня провоцировать! Это еще не понятно?!

– Ой-ей-ей! Что же ты сделаешь, Василькова? – театрально ахнул тот, цокая языком. – С твоим-то зрением... Я сейчас возле деревьев встану, и ты меня потеряешь.

– С радостью бы вас навсегда потеряла... – прорычала себе под нос, а после прочистила горло и более решительно отчеканила по слогам: – Мне это не нравится! А ну-ка быстро поставьте меня на ноги!

С тяжелым вздохом он остановился. Я еле сдержала победную улыбку: послушный Вадим Геннадьевич был просто восхитителен! Медленно мои ноги начали касаться земли... И если правая прекрасно справлялась со своей задачей, то

левая подвела. Ныла и тянула. Я истошно зашипела.

– Я ведь говорил! – Шлефов потянулся ко мне с обеспокоенным видом. Видимо, снова решил закинуть на руки. Но я отскочила в сторону.

– Опоры на предплечье будет вполне достаточно! – предупредила его, и профессор тут же поставил мне локоть. Только в этот момент прояснившееся окончательно сознание начало работать. И я насторожилась. – Профессор Шлефов, а чего это вы так о моем самочувствии беспокоитесь? Добить хотите или переживаете, если умру, фотография ваша в сеть уйдет?

– Второе, – холодно отмахнулся тот. – А ты как думала? От тебя моя судьба зависит. Ты – ценный предмет.

«Предмет»... Я фыркнула. Этот человек никогда не видел во мне живое существо. Тем более, девушку.

Я не успела обдумать, почему слова мужчины меня огорчили, как он вдруг достал из кармана ключи и разблокировал черный внедорожник.

– Это не ваша машина, – настороженно подметила я. – У вас другая была, поменьше...

– А ты следила, на чем я в университет приезжаю? Как лестно, еще одна фанатка... – сверкнул глазами тот, косо усмехаясь. А я понять не могла, шутит он или нет. Распахнув пассажирскую дверь, он приветливо махнул рукой внутрь. – Ну, я уж точно ее не украл, Василькова. Эта – повседневная.

– Мда, – присвистнула я, – у нормальных людей повседневная одежда, а у профессора Шлефова повседневная тачка! Класс! Что-что вы там говорили про взятки? Не берете? Ну-ну!

Закатив глаза, он не стал это комментировать:

– Садись уже, куда хочешь!

– Хотелось бы в машину времени. Чтобы вернуться в прошлое и никогда не связываться с вами, – прошептала себе под нос. Но достаточно громко, чтобы Он услышал и скривился. – А куда вы везти меня собрались? В лес? Так я и там вам не признаюсь, где все носители с фотографией. Хоть у елочки прикопайте!

– Какая елочка? Она же сгниет от твоего яда... – голубые глаза Шлефова блеснули азартом, а на губах появилась странная коварная улыбка. Не прошло и секунды, как их смела маска серьезности: – Отвезу тебя в больницу. Пусть посмотрят, что с тобой.

– Но...

– Говорю же, – перебил тот меня, – ты мне живая ценнее. Садись, говорю!

Добраться до метро с больной ногой казалось задачей нереальной. А бесплатный таксис Шлефов казался лучшей идеей. Но... Бесплатный ли!

– Это – не третье желание! – на всякий случай предупредила я. – И денег у меня нет, если что.

Сказала и пожалела. Жаловаться на финансовые пробле-

мы казалось жалким и постыдным.

– Считай это благотворительность. От меценатов слабым и немощным... – на светофоре профессор посмотрел на меня задумчиво. – И куда же ты за сутки такие деньги потратила?

Я вспомнила, как Настя Петрова как-то хвасталась брендовой сумкой от крутого бренда. Та стоила около полумиллиона. Ответ пришел сам собой:

– Кошелек купила.

– Кошелек, – подвел итог Шлефов. – Купила кошелек, в который теперь нечего положить?

Я кивнула. Все меньше и меньше нравилось ехать в одной машине с мужчиной. Казалось, вот-вот он меня расколет, и я признаюсь в своих непутевых родителях. Не хотелось бы давать профессору еще один повод надо мной поиздеваться.

– И, – не унимался тот, – где кошелек?

– Дома. Он же пустой! – устав от насмешек, я повернулась к мужчине и серьезно спросила: – Давайте лучше обсудим, кому профессор лучшего университета страны шлет свои голые фото? И как так получилось, что этот самый профессор отправляет их по ошибке своей студентке, номер которой даже знать не должен?!

Сжав губы в тонкую линию, Шлефов переменялся в лице. В машине зависла гробовая тишина. Наконец-то, мужчина понял, что есть темы, которые просто не хочется обсуждать! Не прошло и пятнадцати минут, как Шлефов свернул

на парковку явно не государственной больницы.

– Она ближайшая была. Упокойся, Василькова. Дай де-журному по марафону позаботиться о пострадавшей! – холодно отмахнулся, не давая мне и слова вставить.

Сильно принципиальной я не была. В том плане, что Шлефов так много моих нервов потратил за три года, что ему только во благо воздастся, если он мне доктора оплатит. А что? С его-то «повседневными» машинами это сущий пустяк.

– В приемной только по живой очереди! – после оплаты заявила нам строгая тетенька. Совсем, как в бесплатной поликлиники.

Мы со Шлефовым переглянулись. После той суммы, что они с него взяли, нас должны были на руках в кабинет отнести. Но нет... Слишком просто было бы! Пациент должен страдать! Иначе зачем в дорогушей больнице от администратора приемной до очереди в кабинет шел пятиметровый пустой кабинет?

– Еще немного, Василькова, – подбадривал меня Шлефов. Неожиданно, но без издевок. – Пару шагов и...

Мужчина буквально тащил меня на себе, а я только ковыляла больной ногой. Вдруг кто-то резво толкнул меня в бок, заставляя взвизгнуть от боли.

– Говорят, – рывкнул Шлефов, – в большом городе нет лосей... Как же нет, если вот он ты!

На нас обернулся пятнадцатилетний подросток с лампоч-

кой во рту. Он что-то пытался сказать, но вышло лишь невнятное бормотание. Мы снова переглянулись со Шлефовым и одновременно рассмеялись. С подростком все было понятно, но... Это был первый раз, когда профессор просто улыбался и нашел со мной общий язык. Странно и даже не верится.

Мы долго сидели в приемной. Время шло, а ничего не менялось. Марафон уже закончился: преподаватели отзвонились и доложили куратору.

– Мы когда-нибудь отсюда уйдем?! – простонала я, зарываясь лицом в ладони. – Почему у врачей всегда очереди?

– Потому что время лечит, Василькова, – я ощутила легкое похлопывание по своему плечу и почему-то вздрогнула. – Так что терпи...

Дверь открылась, и меня наконец-то позвали на прием.

– С ногой мы уже выяснили, Диана. Простое растяжение. Повязку сделали, рекомендации вы уже получили. Никакого бега, эта очевидно. Но, ваше зрение... – взяв меня за подбородок, доктор принялся крутить лицо и вглядываться. – Позвольте проверить?

– Это за дополнительную плату? – засомневалась я.

Тот хмыкнул:

– Нет. Считайте, долг врача.

Тогда я кивнула. А почему бы и нет? Тогда мужчина вышел, а вернулся спустя какое-то время с неизвестным мне

аппаратом на колесиках. Все поверхностное обследование заняло минут двадцать.

– Я, конечно, выдам вам линзы. У нас как раз есть хорошие в наличии... Но рекомендую операцию. Сможете забыть про вспомогательные элементы, – заключил тот.

Тяжело вздохнув, я мягко встала с кушетки и попрыгала к выходу:

– Очень приятно, но ничего не надо.

– Это в счет обследования! – воскликнул он вслед.

– Правда? Это все меняет. Тогда давайте, – послав доктору улыбку, я вышла из кабинета. Сидящий все это время у кабинета Шлефов тут же встрепенулся и бросился ко мне. Я отшатнулась: – Не стоит помогать, сама справлюсь!

– Не придумывай, – закатил глаза тот, почти насильно придерживая меня за талию. – К чему эта бравада, Василькова?

Многозначительно указав подбородком на вывеску «Ж», я выгнула бровь и саркастично усмехнулась:

– Там тоже будете меня за ручки держать? Вот это я понимаю – преподавательская забота! Как говорится: и в горе, и в радости?

Шлефов скривился, но дал свободу. А когда вышла спустя пять минут, профессора поблизости нигде не было. Я предусмотрительно направилась к регистратуре, где он, собственно, и ошивался.

– Так-так-так... – из-за угла я увидела, как девушка что-

то усердно считала на калькуляторе, а Шлефов все это время нервно отбивал банковской картой бит на стойке. – Линзы, специальное средство, операция у лучшего врача, реабилитация в номере класса Люкс, питание и необходимые обследования... С вас двести семьдесят тысяч. Картой или наличкой?

Я обомлела от шока. Значит, ничего из предложенного доктором не было БЕСПЛАТНО. Значит, сговорились с Шлефовым... С широко распахнутым ртом я наблюдала за тем, как профессор со скучающим видом подносит карту к терминалу. Простой секундный пик и мужчина лишился почти трёхсот тысяч и даже глазом не повел. У меня закололо сердце.

– Главное помните, – злобно отчеканил он каждое слово. Именно таким тоном он запугивал всех в вузе. Заставлял терять дар речи и приклонять голову. – Василькова должна думать, что это бесплатно. Понятно?

Противная администраторша все же выстояла перед темпераментом нашего вузовского тирана и опустила голову:

– Как скажите.

Я уже собиралась выйти и обозначить свое присутствие, как события начали развиваться. В помещение с улицы ворвалась красивая блондинка. Стуча каблучками, она нервно вглядывалась по сторонам. И когда увидела Шлефова, облегченно вздохнула и бросилась к мужчине:

– Зайчик, как ты? Все хорошо?

Клянусь, от ее голоса Шлефова скрючило, как после литра лимонного сока залпом. Но когда он повернулся к блондинке, вдруг натянул неестественную улыбку:

– Диана? Ты что тут делаешь?

Еще одна Диана? А это уже интересно... Я старательно наострила уши, пока притаившись в укрытии. Девушка же внимательно осматривала Шлефова. Как будто он – маленький ребенок, упавший с велосипеда, а она – заботливая мамочка, проверяющая его на наличие открытого перелома и сотрясения. Преподавателю это явно не нравилось, и он настойчиво отпихнул ее в сторону.

– Цел? Ничего не болит? Голова не кружится? – повторяла она, словно не замечая, как Шлефову неуютно.

– Повторяю вопрос: ты как тут оказалась? – мужчина злился не на шутку, а меня почему-то это веселило.

– Ну, – она лживо отвела взгляд и свела брови на переносице, – проезжала мимо, а тут твоя машина и...

– А теперь честно! – рявкнул он так, что мое сердце от страха чуть из груди не выскочило. Девушка в регистратуре спряталась за стойкой. И вообще, тишина вокруг образовалась пугающая, гнетущая. – Быстро, Диана. Ты же знаешь, я ненавижу лжецов.

– Ох, ты будешь ругаться... – она замялась, но после вдруг резко выпалила: – Я установила тебе родительский контроль. Слежу, где ты и с кем... А что такого? Ты в последнее время отдалился сильно... Думала, у тебя кто-то есть. А тут боль-

ница! Ну, я и примчалась.

Я не могла видеть лицо профессора, он расположился спиной ко мне, но даже в таком положении четко ощущала исходящую от него агрессию. Спина словно раздулась, а из ушей шел пар. Сжимая и разжимая кулаки, он басисто рычал:

– Ты в своем уме?

– Ты пойми, просто... – вдруг на испуганном лице блондинки появились нотки сомнения. Сузив глаза, она еще раз осмотрела Шлефова и с подозрением прошептала: – Но, если у тебя все в порядке, то что ты тут делаешь?

Вот тут-то был мой идеальный выход! Быстро доковыляв к парочке, я весело поздоровалась с теской:

– Здравствуйте, Диана! Это по моей вине ваш поднадзорный, – я сделала особый акцент на этом слове, радуясь недовольному шипению Шлефова, – оказался здесь. Дело в том, что сегодня был марафон, где ваш ЗАЙЧИК, – я снова повысила голос и услышала хруст кулаков и предупреждающее рычание, – был куратором марафона. Так вот я получила травму, и профессор Шлефов великодушно отвез меня в приемник.

Диана все внимательно выслушала и облечено вздохнула:

– Слава богу, что пострадали вы, а не Зайчик.

– Правда-правда. У нас вообще сложно в столице найти качественную ветеринарную помощь. А с таким животным специалиста надо еще поискать! – я искреннее умилилась

детской непосредственности блондинки. Она не улавливала мой сарказм и раздражение Шлефова. Просто жила на какой-то своей волне. На все кивала и соглашалась. Понимая, что профессор вот-вот взорвется, я торопливо откланялась: – Мне пора и спасибо за помощь! Хорошего вечера!

Выйти-то я вышла, а что дальше? За воротами больницы оказалось, что до метро и любой остановки довольно далеко. Денег на такси у меня по-прежнему не было. Сидя на скамье в тени деревьев, я набиралась силы и мужества перед новым марафоном. Теперь уже по прыжкам.

Но не успела я толком пожалеть себя, бедную и несчастную, как к лавочке подъехал знакомый автомобиль. Стекло опустилось, и раздался прямой приказ:

– Садись быстро!

– А как же Диана? – я пыталась по выражению лица прочитать, куда делась моя теска, но ничего, кроме вспышки злости не заметила. – Или вам все равно, кого катать, лишь бы звали одинаково?

– Не беси меня еще больше, Василькова! – взорвался тот, ударяя рукой по рулю. Я вздрогнула. – Либо ты садишься сама, либо я выйду, при всей улице закину тебя себе на плечо и насильно затолкаю в гребанную машину!

Почему-то я не сомневалась: он не лжет. Не в настроении мужчина шутить. Тяжело вздохнув, я села внутрь. И, как только дверь захлопнулась, сразу же об этом пожалела.

– Эй, – нервно оборачиваясь, я по памяти восстанавлива-

ла дорогу, – мы едем в противоположную сторону от общезжития!

– Заметил, веришь? – фыркнул тот, оттягивая ворот футболки. – Мне надо успокоиться. Составишь компанию.

– Компанию? Я?.. Вам?.. – от растерянности все мысли из головы вылетели.

– Да. Пить в одиночестве первый признак алкоголизма, – выпалил тот спокойно, словно и не было в его словах ничего шокирующего.

Во-первых, как студентка вообще может выпивать с преподавателем?! Во-вторых, тем преподавателем, что за рулем!

ГЛАВА 5

Авто Шлефова припарковалась у центрального входа в ресторан. Я знала о нем из новостей. Там часто обедали знаменитости. А все из-за нереально высоких цен и первоклассного обслуживания.

– Выходи! – приказал профессор.

– Нет, – с нескрываемым испугом отмахнулась я. – Туда не пойду, уж извините. Не хочу.

Мало того, что я (мягко скажем) по уровню достатка не соответствовала гостям, так еще и одета была в спортивную форму, пропахшую духом марафона.

– Василькова, а я тебя спрашивал хочешь ты или нет? У тебя с логикой всегда были проблемы... – фыркнул он, затем сам вышел из машины и меня буквально выволок на улицу. – Идем и не выделывайся.

Было бы глупо вырываться, как маленький ребенок. Поэтому я тихо шепнула:

– Там дорого.

– Это смотря что считать дорогим, – он самодовольно хмыкнул. – Но я в курсе.

– А еще, – я многозначительно указала пальцем на кроссовки, – мы не подобающе одеты.

Это должно было стать финальным аргументом, но не для Шлефова. Не давая и мгновения опомниться, мужчина рез-

ко закинул меня к себе на руки и пошагал в сторону ресторана:

– Не поверишь, Диана. Когда у тебя есть бабки, то всем плевать, что на тебе надето.

«Бабки»... «Диана»... Эта фамильярность мне совершенно не понравилась. Особенно то, как спокойно мужчина держал меня у себя на руках, будто всегда так делает. Я слишком остро ощущала, как его крепкие заgreбушие руки вжимали меня в свое тело, а большой палец неосознанно поглаживал нижнюю часть спины. Что за кошмар происходит?! И, главное, как поскорее проснуться?

– Здравствуйте, Вадим Геннадьевич! – весело поздоровался с мужчиной швейцар. При этом он напрочь игнорировал меня. – Вам подготовить любимый столик?

– Нет, надо что-то менять. Выберем новый! – весело махнул ему тот.

Внутри заведения было дорого-богато. Я, выросшая в семье среднестатистического достатка, никогда в подобном месте не была. Стильный современный дизайн, футуристичный ремонт. Официанты в одинаковой униформе держались строем, как военные. Все стены были обшиты цельным белым мрамором, а за барной стойкой располагалась зона зеленого мха. Выглядело очень необычно!

Шлефов прошел в другой конец зала и вышел на пустую веранду. Мужчине больше всего приглянулся столик возле искусственного фонтана в окружении зеленых растений.

– И, – я в панике оборачивалась, – где меню?

До боли хотелось узнать, сколько стоит удовольствие откушать в лучшем месте столицы. Между прочим, пешком от главной площади!

– Тут его нет, так как в нем одна позиция, – Шлефов сел напротив, подпер лицо ладонью и внимательно изучал мое замешательство. Ему словно нравилось то, как искреннее я нервничаю по поводу денег. А как не нервничать, когда их нет?!

– Это как? – под гнетом голубых глаз стало еще более неловко. Так что все внимание я посвятила бегущей в фонтане воде. – Типа отписываешь им квартиру, а они тебе одну вареную картошину на огромной тарелке приносят?

– Типа того, – профессор кратко рассмеялся. – Платишь пятьдесят тысяч с человека и тебе приносят двенадцать блюд от шеф-повара, каждое из которых сто грамм.

Я поперхнулась кислородом. Испытала дикое желание встать и убежать прочь!

– Это с одного человека или?.. – как можно спокойнее протянула, пока внутри все переворачивалось.

– С одного, – все больше и больше ввергал меня в шок профессор.

Забыв о растяжении, я резво вскочила на ноги и выдохнула:

– Знаете, я тут вспомнила! У меня кошка дома голодная и кран вроде протек... А еще, прямо душой чувствую, в уни-

тазе бочек сломался, и топит соседей... Срочно домой надо! Побегу...

– СТОЯТЬ! – рявкнул тот, и я испуганно осела. Голубые глаза перестали веселиться и вдруг посерьезнели. – Василькова, ты забыла, кто выше тебя по званию? От чьей оценки зависит твоя стипендия?.. Да и вообще, останешься ты в вузе или домой поедешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.